

Сергей Овчаров:

"Чем меньше мы имеем, тем больше мы счастливы"

Среди в общей сложности пятнадцати нешуточных призов, которыми отмечен последний фильм Сергея Овчарова, есть один шуточный, но очень показательный: "приз за фильм, в котором ни разу не употреблено слово "еврей" и нет ни одной постельной сцены".

Надо заметить, что не только слова "еврей" нет в фильме "Барабаниада", но и вообще ни одного слова. Полнометражный художественный фильм идет без коротких реплик. И тем не менее зритель, буде он появится у этой картины в каком-то количестве, имеет шанс пережить всю гамму эмоций - от тихого смеха, возможно, переходящего в гомерический, до тихих слез, возможно, переходящих в истерические. Потому что, если, скажем, известный режиссер-публицист восклицает: "Так жить нельзя!", показывая реалии нашей действительности, то Сергей Овчаров, сгущая, обобщая и поэтизируя эти реалии до чудовищной фантазмагории, пожимает плечами: "А мы живем!" Сюжета как такового в этой истории без слов нет. А история есть - история отношений между человеком и... барабаном, который заменил человеку друзей и родных, стал другом и поводырем, любовью и вдохновением, проклятием и отрадой. Больше сказать ничего нельзя.

Кто знаком с творчеством Сергея Овчарова, с его "Нескладухой", "Небылицы", "Левшой", "Оно", - могут представить стилистику и "Барабаниаду", потому что режиссер остается себе верен. Для тех, кому предстоит впервые столкнуться с творчеством этого очень своеобразного и категорически ни на кого не похожего режиссера, можно попытаться отдаленно представить крепкую смесь из русского фольклора и... Чаплина - впрочем, никакого окончательного представления о том, что есть та же "Барабаниада" Овчарова, такое сопоставление все равно не даст. Точно так же, как любые другие оценки критиков и отзывы о самом Сергее не дают представления о том, что же он за человек.

О нем говорят, что он не любит журналистов, не любит критиков, не любит тусовок, не любит презентации и всего того, что связано с миром кино и составляет его обязательный, а иногда и нестерпимый, флер, и что обязательно прилагается к каждому мало-мальски известному кинематографическому имени в качестве, так сказать, гарнира.

Сергея Овчарова трудно встретить в тех местах, где пьют кофе, покуривают и обмениваются новостями и гениальными замислами. Репутация отшельника уже довольно крепко утвердилась за тридцатидевятилетним режиссером.

Я ожидала увидеть при встрече как минимум косматую бороду и, возможно, лапти, улитывшая склонность к славянофильству, которая настойчиво приписывается Овчарову. И, кроме шуток, боялась, что придется преодолеть угроемое затворничество.

...Семья Овчарова встретила вкусным, просто не из сегодняшних времен, запахом кубанского борща и веселой султанской, с которой все отпассажиров французского вида пудела с французским именем Жан-Поль де Кейн (вот тебе и славянофил!), жаждавшего первым приветствовать и непременно принять участие в беседе. Улыбающаяся мама тащила крепкий с лимоном и конфетами чай, улыбающаяся жена и сын собирались по делам, улыбающийся светлоглазый Сергей Овчаров от души расхохотался, когда я рассказала, каким его представляла по рассказам.

Вот тут бы поставить счастливую точку и опустить занавес.

Я разогналась с бодрым вопросом, мол, теперь, когда пятнадцать призов в кармане, какое-то новое самочувствие, замечательные планы и зарплатные, конечно же, предложения?

Фото Самоэля КАЦЕВА

- Ничего не изменилось. Я гораздо больше денег получил за интервью, которые со мной делали в Берлине по поводу такого чрезвычайного успеха моей картины, чем за сам фильм. Как был безработный и безденежный, так и остаюсь. Сегодня фильмы снимают невыгодно. Когда наивный режиссер кончает картину, то ему кажется, что он сделал все. Он не сделал ничего. На его картине могут сделать деньги те, кто это умеет делать. Есть целая такая когорта шакалов от искусства. И раньше это было. И сейчас - еще в большей степени. Тем более, что в случае с "Барабаниадой" у меня сложности с продюсером картины. Негатив у нас - у ассоциации "Ленфильм" и Студии первого экспериментального фильма, права на картину - у одной французской дамы русского происхождения, которая загадочно возникла в качестве продюсера и теперь сидит на фильме, как собака на сене. Ничего с картиной не делается: не продается, не покупается, не показывается. Зачем мне нужны призы? Что мне от этого фильма, который стал вроде как "Летучим голландцем"? Мелькнет - и скроется в тумане. Я не считаю, что получил какое-то особенное признание - профессиональное или общественное. Все это фрагментарные вещи, к которым я не отношусь никак, потому что они за собой ничего не влекут. Я обжегся уже на производстве. Теперь знаю, что до середины делаю фильм, и мне улыбаются продюсеры, помогают, а как только перевалил за половину, все меняется: куда ты денешься - фильм-то надо кончать! А никто не станет платить зарплату своевременно ни группе, ни мне. И опять тащить картину на общественных началах до конца? А наступает конец - и опять ты никто. Смешно сказать, "Кинотавр" присудил мне денежный приз - никто не верит, что денег до сих пор так и не дали. Группа на меня уже поспрашивает, мол, как там денежки-то? А я что могу сделать? Какие-то спонсоры чего-то не переводят - меня это вообще не должно волновать. Но я сижу с призами, без работы и без средств. Для меня ничего не изменилось. Единственное, что горизонт как-то сузился. Раньше были шире

горизонты - вот сделаю это, потом докажу это... А сегодня дело даже не в том, что нет денег. Я перспектив не вижу. Не хочется работать. Наступил момент, когда отбило желание сопротивляться рутине. Раньше кино было уделом избранных, в ряды которых было очень трудно пробиться, я на себе испытал. Но сегодня, когда в кино хлынул поток вообще чуждых ему людей, стало еще хуже. Кинематограф зачастую становится средством отмыкания денег. У меня шок от всего, что я вижу.

- Вам трудно давалось вхождение в кинематограф?

- Представьте себе человека с юга, из провинции - я приехал в Москву из Майкопа. Холодный город, холодные отношения между людьми. Мы дома бегали смотреть один и тот же фильм по телевизору к разным соседям, стало еще хуже. Кинематограф зачастую становится средством отмыкания денег. У меня шок от всего, что я вижу.

- Тема России, русских традиций, культуры - стала вашей. Об этом "Левша", об этом "Оно" - картина, которая уже прочно утвердилась в статусе профессионала.

бывальщину", то один писатель на худсовет говорит: "Зачем же мы ему дадим снимать большой фильм, если он даже маленький не смог сделать?" А то, что мне не дали его сделать, просто опускалось. Со мной тогда случился страшный срыв, у меня даже отнялась потом вся левая сторона. Закрылся в кабинете редактора, оператор Валерий Федосов меня отходил - влил в меня бутылку коньяка просто.

- Но ведь вы же сняли в конце концов "Небылицы" - фильм, который вполне четко обозначил непохожесть и особенность вашего режиссерского почерка и мировидения?

- Борьба за подлинность материала и за достоверность - я обратился к подлинной русской смеховой культуре, а не к привычной клякве-эзопу, - вышла мне боком. Вопрос стоял об уничтожении фильма, вообще о моем пребывании в кинематографе - тогда еще так вопрос можно было поставить. Началась волна буквально зверств, оскорблений, унижений. Кто-то писал, что я сделал антирусскую картину, издевался над народом; другие вопили, что это шовинистический фильм, русофильский, националистический; третьи обвиняли меня в сизонизме... Клеили взаимоисключающие ярлыки. А я все еще был провинциальным человеком и не мог понять, что происходит. Я хотел говорить о подлинной русской культуре, об Атлантиде, которой уже не существует, потому что то, что происходит сегодня в нашей культуре, в лучшем случае реанимация ее. А самой русской культуры, духа ее, уже нет как таковой.

- Кстати, после "Небылицы" за вами и укрепился дух славянофила...

- За Достоевским почему-то не укрепился этот духок... Какая разница, что Достоевский был славянофил, а Тургенев был западник? Судить можно только по тому, что сделано. И потом, я в принципе интернационалист. Я вырос на Кубани, куда бежали все волыные, разбойничьи люди. Там были русские, украинцы, чеченцы, адыгейцы, греки... Мы дружили и дружим с адыгейской семьей и я знаю, что могу и сегодня отдать за них жизнь, точно так же, как это делают они за меня или за мою семью. И только в столичных городах я вдруг обнаружил, что существует национальная рознь. И вот сегодня мы пожинаем плоды этой розни. Причем, еще только начинаются. И это особенно страшно. Да, я русский, и я плохо чувствую себя русским. Потому что русских как виноватых принимают другие нации, и это неправильно, точно так же, как если бы принимались любые народы, маленькие или большие. Только от того, что народ большой, нельзя позволять его унижать, мол, большой, стерпит. Я горжусь, что я русский, точно так же, как адыгеец должен гордиться, что он адыгеец.

- Тема России, русских традиций, культуры - стала вашей. Об этом "Левша", об этом "Оно" - картина, которая уже прочно утвердилась в статусе профессионала.

- Да, пожалуй, над "Оно" работало легче всего - не в смысле

производства, а в смысле разных "около"-ситуаций. Ее в общем-то вполне благосклонно приняла критика. Хотя единственное, с чем я не согласен, так это когда речь идет о том, что я использую приемы сатиры в "Оно". Я не признаю сатиры в кино. Слово "сатира" я воспринимаю как ругательство. Сначала сатира, потом репрессии. У меня в "Оно" каждый персонаж по-своему человечный и несчастный. Это мой принцип. По большому счету до конца счастливых людей нет. За счастьем всегда наступает несчастье. Если уж совсем все хорошо, то человек просто умирает по законам той драмы, которую пишет жизнь.

- "Чем меньше мы имеем, тем больше мы счастливы" - об этом ваша "Барабаниада"?

- Да, об этом. "Барабаниада" для меня в чем-то бесконечно биографический фильм. Я себя ею за волосы из болота вытащил. Все боялся начинать снимать после "Оно", искал какой-то сценарий для своих соратников. Кстати, у меня уже сложилась группа, хотя мне все время приходилось слышать: "Ты не так делаешь! В кино так не делают". Они мне помогали, но они многое и тормозили, что можно было бы сделать по-новому и по-моему. Потом меня призвал директор "Ленфильма" Голутва и говорит: "Почему не работаешь?"

"Ищу сценарий для соратников, который бы им понравился". Он говорит: "Набери просто других соратников". Мне такое не приходило в голову. Пришлось со многими рассуждать. Хотя они меня к тому моменту уже почти убедили, что я без них ничего не смогу сделать. В принципе, "Барабаниада" должна была быть моей первой картиной. На меня, когда я еще в институте учился, как вирус какой-то напал - просыпался ночью, писал сценки. Когда мне было очень трудно, она меня всегда спасала. А я очень мучился от людей. Как-то даже бежал в Москву к Панфилову: "Не могу, что за люди такие". Он говорит: "Пей декамеvit и посылай всех". "Прямо так и посылай?" - спрашиваю. "Нет, просто делай свое кино. В конце пошлешь". И я делал кино. А "Барабаниаду" вынашивал. Жил, например, в коммуналке, с какими-то бандитами, спать приходилось с ножом под подушкой - я все это записывал... Потом раз. И опять писал. "Барабаниада" меня спасала, облегчала жизнь. Я снял еще в институте пятнадцать минут. Всем нравилось, ходили смотреть. Потом даже хотел показать вместо диплома, так получилось, что диплома не было. Но стал показывать, а пленка оказалась порезанной, фильм стал разлетаться на глазах на куски. Такая мистика. И продолжают преследовать какие-то обстоятельства странные. В Грузии, например, на фестивале не оказалось последней части - второй режиссер Александр Васильев просто пересказал словами, что там было. И вообще фильм фактически не доснят. Я знаю, что там должно быть, но его нет - нет и все. Сам я расцениваю "Барабаниаду" как кинематериал, скорее. Вообще, все мои картины - это своего рода кинематериал...

- Но на Западе существует такая должность "монтажер" - фильм специально монтируется уже без режиссера...

- Это все продюсеры. Конечно, фильм должен быть смонтирован жестко, через запятую. Сюжетный фильм. Но у меня другие ритмы. Мой ритм создает другое пространство, затягивающее. Когда "Небылицы" отсняли, Федосов, оператор-постановщик, мне говорит: "Лучшие люди "Ленфильма" готовы помочь тебе смонтировать картину, соглашайся". Я не согласился, хотя он меня и всячески посылал. Потом со мной согласился: а что монтировать, тут свои дела.

- Над чем работаете сейчас?

- Отмечаю сценарий за сценарием. Время ведь идет. Жизнь проходит. Может прийти время и умирать. Хочется делать что-то всерьез. Очень хочется поработать над языком кино. Но нельзя сделать хововую картину и работать всерьез над языком. Я помню, посмотрел "Андалузский пес" Бунюэля, и обмер - это было по настоящему новым. Можно говорить, что за картина "Андалузский пес"? Но там появилась возможность что-то совершенно по-новому пережить благодаря средствам кино. Открытый глаз, по которому чиркнула бритва - дело не в ужасе, сколько этих фильмов ужасов потом пошло - но это было новым, поворотным. Это дало новую эмоцию в кино.

- А вы вообще смотрите "просто" кино - фильмы ужасов, детективы?

- Про полицейских люблю. Там на кино даже, а сюжет, достоверность каких-то историй. Это другая игра.

- Жизнь переменить не хочется?

- Иногда мелькает такая мысль - бросить все и махнуть в свою деревню: пальба, гульба, рэкет... Вот вам и выход. Но я остаюсь в этом болоте.

На столике под пестрыми обоями в рядок выстроились призы за "Барабаниаду" - поражающие своей неуместной претенциозностью в этом неброском жилище. Гран При Международного фестиваля в Тбилиси - Золотой Орел; специальный приз Большого жюри Международного Московского кинофестиваля; специальный приз Христианского жюри; специальный приз жюри "Кинотавра" - "За вклад в российское кино"; приз кинокритиков, приз кинолюбителей... "Золотой Орел" признал лучшим режиссером года, "Ленфильм" вручил премию Пиотровского за лучший сценарий года и лучший фильм года...

- На премию эту я закатил банке группы. Сказали: "О, сколько у него денег, раз так гуляет..."

Мне кажется, Сергей Овчаров человек очень нежный. И даже больше, чем всем нам, ему хочется, чтобы его понимали...

ОТ РЕДАКЦИИ: Напоминаем, что 12-13 марта в кинотеатрах "Знание" и "Спартак" будет показываться фильм Сергея Овчарова "Барабаниада", а 1 марта в 23.10 - по Региональному ТВ (40-й канал).

Беседу вел Алена КРАВЦОВА